

3. *Иванова Н.И.* Особенности коммуникативного сознания якутян: результаты психолингвистического эксперимента // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №1.

4. *Пешкова Н.П.* Региональные особенности языкового сознания российской молодежи // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2.

5. *Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта, 2007.

6. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2003.

7. *Уфимцева Н.В.* Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

А. А. Бувеч

аспирант

Отличительной чертой любого истинно научного исследования является поступательный характер его развития. Для языкознания эта особенность проявилась в так называемой «смене парадигм», когда внешняя (трансцендентная) лингвистика, направленная на целостное, глубинное постижение языка, сменила внутреннюю, или имманентную лингвистику, изучающую «язык в себе самом и для себя» и игнорирующую внеязыковые явления. Антропоцентрическая парадигма привела к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и поставила его «во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования» [8: 212]. Теперь в современном языкознании интерес большинства ученых вызывает не сам по себе язык в отрыве от его носителя и от реальной жизни, а то, как в языке отражаются общечеловеческие, национально-культурные и индивидуальные свойства говорящего. В результате формируется новый портрет («язык-культура-человек-сознание/ментальность») антропоцентрической парадигмы, в русле которой человек понимается «как носитель определенной национальной ментальности и языка» [9: 104], а язык при этом рассматривается как составная

576 Национальные образы мира в художественной культуре

часть культуры и выразитель народного духа.

По наблюдениям лингвистов, именно ментальность является сердцевинной народной культуры, поскольку представляет собой национальную особенность видения мира, отраженную в родном языке и в языковой картине мира. По определению В. В. Колесова, «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [7: 15]. Однако мы в своей работе будем рассматривать лишь триаду.

При изучении особенностей триады «язык-культура-человек» особого внимания заслуживают идеи литературоведа, философа и культуролога Г. Д. Гачева о Космо-Психо-Логосе. Согласно ученому, подобно тому, как человек есть троичное единство: тело, душа, дух (ум) – так и каждая национальная целостность представляет собой Космо-Психо-Логос, то есть единство национальной природы, склада психики (национального характера) и мышления. Г. Д. Гачев подчеркивает, что самое трудное – это понять логику мышления другого народа, то есть постигнуть национальный Логос, представляющий собой совокупность национального миропонимания и неких ценностных ориентиров, «которые у каждого народа свои» [4: 20].

По мнению большинства языковедов, русская ментальность ассоциируется чаще всего с нравственностью, духовностью, душевностью народа, любовью к Родине и святостью. Эти ассоциации связаны с базовыми ценностями, к которым относятся культура, религия, нравственность. Традиционный русский эквивалент ментальности – духовность – указывает склонение русской ментальности к религиозной области. Неоднократно в научной литературе религиозность отмечалась как доминанта русского национального менталитета (см.: Н. Д. Арутюнова, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. Вежбицкая, В. В. Зеньковский, Ю. Н. Караулов, В. Б. Касевич, В. Н. Лосский, Н. Б. Мечковская, В. А. Маслова, К. А. Тимофеев).

Говоря об особенностях русского религиозного мирозерцания, необходимо подчеркнуть, что его формирование во многом происходило под влиянием православия как «духотворческой и культуротворческой силы»

[5: 11–13]. Так, Е. М. Верещагин, исследуя отражение в языке религиозного обиходно-бытового знания русского народа о Боге, подчеркивал, что «русский язык настолько пропитан православными реминисценциями, что если возможно, с понятными оговорками, говорить о России как о православной стране, то и о русском языке соответственно следует говорить, с теми же оговорками, как о языке православном» [1: 2].

Именно дух православия определил «многое и глубокое в строении русско-национального творческого акта», в его культуре, закрепленной в языке. «Все русское искусство изошло из православной веры, искони впитало в себя ее дух – дух сердечного созерцания, молитвенного парения, свободной искренности и духовной ответственности» [6: 54].

Русский народ воспринял православие не только как совокупность определенных догматов и внешних ритуалов, но и увидел в нем живой и цельный образ Христа как источник и образец высочайшей святости, то есть высшей божественной правды, непорочности и красоты. Основной идеей православной веры является идея спасения через веру в Иисуса Христа, поэтому для русского менталитета образ Бога-Христа отождествляется с именем Спасителя. Сокращенная форма от Спасителя – Спас, вошла в названия русских православных праздников, икон и храмов. Испокон веков в России в августе христиане отмечают три праздника, которые в народе называют Спасами – медовый (Первый Спас), яблочный (Второй Спас) и ореховый или хлебный (Третий Спас). Все эти праздники связаны с теми или иными эпизодами из жизни Христа-Спасителя: *Происхождение Честных древ Животворящего Креста Господня и Празднество Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице, в народе называемый «Медовый Спас»; Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, двенадцатый праздник, в народе именуемый «Яблочный Спас»; Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа, называемый «Ореховый Спас» [11].*

В народном творчестве названия этих праздников вошли в состав некоторых пословиц, поговорок и примет: *Пришел спас – держи рукавички про запас; Пришел спас – всему час: плоды зреют; Второй спас всему час – шубу припас; Третий спас хлеба припас; Коль хорош Третий спас, будет зимой квас; Ласточки*

отлетают в три раза, в три спаса.

В русской иконографии иконы Спасителя занимают главное место. Они могут быть различны по своему иконографическому типу, в каждой из них раскрывается определенный аспект исповедания, особый догматический и богословский смысл образа Спасителя: Спас Нерукотворный, Спас Вседержитель (Пантократор), Спас на Престоле (Спас Златая риза), Спас Эммануил, Спас Благое Молчание, Спас в Силах.

Кроме того, в образе Спасителя русский народ всегда видел страдающего и кроткого Бога: «русский народ в своей религиозности живёт со Христом страдающим... Это – русский Христос, такой близкий к скудному русскому пейзажу, неприглядным, серым деревням... Это Христос – друг грешников, убогих, немощных, нищих духом» [12]. Отсюда становится понятным практически неизвестное в других странах почитание русскими юродивых и страстотерпцев, в которых воплощается русская категория страдания по образу Христа, ведущего к спасению.

Идея национального образа Спасителя отразилась и в русском понимании Святой Троицы. Г. Д. Гачев подчеркивает, что в русской идее Троицы «Христос совсем мало чувствуется как Сын Отца, но разве что – как Сын Божьей Матери. Но главное: Он – Царь Небесный и Судия. Основная икона – Спас в силах. Нам Он – Страшный Судия, перед кем лишь Матерь Божия нам заступница, покров и умоляет» [2].

В евангельских текстах догмат Святой Троицы фактически и реально раскрывается в событии Крещения Господня, или Богоявления, когда Сын Божий принял крещение от Иоанна Крестителя, Дух Святой сошел на Христа в виде голубя и голос Отца свидетельствовал о Сыне: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение» [Мф. 3:17].

Преп. Сергей Радонежский видел в Троице высший христианский образ Единства и Любви, так как ипостаси Святой Троицы единосущны, не разделены отношениями старшинства и подчиненности, не знают ненависти, но исполнены Любви.

По мнению многих русских мыслителей, богословов и исследователей, в православном образе Святой Троицы воплощается идея соборности, предполагающая внутреннее единение в Боге. Е. Н. Трубецкой пишет: «Преодоление ненавистного разделения мира, преображение вселенной во

храм, в котором вся тварь объединяется так, как объединены во едином Божеском Существове три Лица Святой Троицы» – такова та основная тема, которой в древнерусской религиозной живописи все подчиняется» [10: 20–21].

С нашей точки зрения, в идее соборности отражается некое русское понимание основ единства, которое находит яркое выражение в оценке взаимоотношений людей в обществе (*водой не разольешь, душа в душу, всем миром, рука об руку, плечом к плечу, стоять горой за кого-либо и др.*).

Необходимо отметить, что русская идея соборности имеет свои эмпирические предпосылки, которые можно обнаружить в различных пластах народной жизни: в экономическом укладе, быте, культурных традициях, религиозной организации общества и др. Соборность в России была многоплановой. Россию можно представить как собор множества народов, языков, верований и культур. Соборные принципы лежали в основании русской артели, которая поощряла предприимчивость артельщиков и в то же время была связана узами круговой поруки, то есть ответственностью всех за все. Соборные начала просматриваются и в таком органе местного самоуправления, как земство, в который входили представители разных сословий для решения важных региональных вопросов. Соборность проявляется и в быту (в установках «люди помогут», «люди пропасть не дадут»), в традиционной русской культуре (коллективные мероприятия, хороводы, хоровое пение). Проявлением русской соборности в настоящее время можно назвать восстановление христианских святынь на Соловецких островах, восстановление Храма Христа Спасителя: каждый сознательный человек считал своим долгом принять посильно участие в этих делах.

Идея соборности достаточно часто отражается и в произведениях русских писателей. Особенно многочисленны проявления новозаветной соборности в древнерусской литературе (в «Повести временных лет», «Слове о погибели Русской земли», «Задонщине» и др.). Яркое отражение соборное начало находит и в русской классической словесности Нового времени (причем не только в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, но и в творчестве Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина).

580 Национальные образы мира в художественной культуре

Трудами философов соборность утверждается в качестве центральной категории философии, представляющей интерес для многих других наук. В итоге соборность квалифицируется как одно из проявлений русской ментальности и занимает значимую позицию в русской концептосфере. По мнению лингвистов, концепт соборность тесно связан с понятиями «совместности», «коллективности», «общинности», «общительности», «солидарности», «коммунальности», которые полностью отражают тип русской культуры – коллективистской (интересы «мы» выше, чем интересы «я»; ярко выражен «мы-образ», в отличие от индивидуалистской культуры, где центральный образ – «я-образ»).

Этнокультурная специфика русского менталитета проявляется и в восприятии образа Богородицы. Г. Д. Гачев замечает, что Богородица у русского народа «оттеснила в культе все прочие ипостаси христианского Божества: Бого-Мать естественно сблизилась с «матерью сырой землей» и «Матерью Родиной», «Матерью Россией» [3]. И в «русской» Богоматери-Деве акцентируется образ матери, а не девы.

Ключевой идеей христианства в целом является идея спасения души, так как именно «нас ради человек и нашего ради спасения» воплотился и пострадал на земле Иисус Христос, Сын Божий. Идея спасения косвенным образом пронизывает многие аспекты русской культуры: в русском языке есть этикетное слово «спасибо», в этой форме известное с конца XVI в. и восходящее к сочетанию «Спаси Вас Бог!». В этом слове запечатлена молитва верующего о спасении души его благодетеля. Человек обращается к Богу с просьбой отблагодарить благодетеля и просит для него самой высокой христианской награды – спасения души, дарования вечной жизни в Боге. Добродетель же, произнося «пожалуйста» («пожалуйста, спаси мя, Боже»), присоединяется к молитве о собственном спасении. Слово «пожалуйста», кроме того, означает дарование, награду и приглашение, а потому само по себе символизирует спасение как Божий дар, открывающий врата рая для спасенных Богом.

Другое этикетное слово «прощай(те)!» по значению связано с одной из христианских этических норм прощать своих обидчиков, врагов и просить прощение за невольные обиды.

Подводя итог вышеизложенному, считаем необходимым отметить, что вопросы изучения национального менталитета русского народа, его духовной культуры являются актуальными не только в философском и культурологическом, но и в лингвистическом плане. Анализ языкового материала с точки зрения выраженности в нем специфики национального характера, культуры и религии является необходимым условием для раскрытия особенностей национального менталитета того или иного этноса. Об этом многократно писал Г. Д. Гачев.

Литература

1. *Верещагин Е.М.* Русский язык и российское православие: Общефилологическая проблематика / Е.М. Верещагин // Доклад на XI Конгрессе МАПРЯЛ. 17-22 сент. 2007 г. Болгария, Варна, М.: Ин-т русск. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2007.

2. *Гачев Г.* Национальный Космо-Психо-Логос [Электронный ресурс] / Г. Гачев. Режим доступа: http://www.niworld.ru/Statei/gachev/gachev_kosmos_3.htm. Дата доступа: 04.09.2014.

3. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира: курс лекций [Электронный ресурс] / Г.Д. Гачев. Режим доступа: <http://jsulib.ru/Lib/Articles/997/115/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0%20010.htm>. Дата доступа: 04.09.2014.

4. *Гачев Г.* Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос / Г. Гачев. – М.: Прогресс-Культура, 1995.

5. *Гончаров С.З.* Духотворческая и культуротворческая сила Православия / С.З. Гончаров // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. прот. Я. М. Хараима и О. Т. Лойко. – Томск: Изд-во НТЛ, 1998.

6. *Ильин И.* Основы борьбы за национальную Россию / И. Ильин // Слово. 1991. № 4.

7. *Колесов В.В.* Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.

8. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века / Под. ред Ю.С. Степанова. М.: Российский гос. ун-т, 1995.

9. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр

«Академия», 2001.

10. Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках // Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. М.: ЛептаПресс, 2003.

11. Успенский пост [Электронный ресурс] / Материал из Википедии – свободной энциклопедии. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Успенский_пост. Дата доступа: 04.09.2014.

12. Флоренский П.А. Православие [Электронный ресурс] / П.А. Флоренский. Православие. Режим доступа: http://pilotchart.narod.ru/text/Florenskiy/Florenskiy_4.htm – Дата доступа: 04.09.2014.

О МЕНТАЛЬНОСТИ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

З. М. Габоева

кандидат филол. наук

На примере фрагмента языковой картины мира - «трудовая деятельность»

С конца 80-х годов XX столетия начинается повышение интереса к комплексному подходу в осмыслении прошлого и настоящего. Представления об истории как о социокультурном процессе приводят к образованию особых многозначных понятий, которые оказываются применимыми равнозначно как к социально-историческому, так и к культурно-историческому процессу. Самыми загадочными из вновь возникших слов стали слова «менталитет» и «ментальность», получившие широчайшее распространение [10: 150]. Данные абстрактные понятия, несмотря на их недостаточную изученность, являются единственно правильным объяснением возникающих проблем при описании особенностей этносов.

Менталитет как социальный феномен не может функционировать вне зависимости от взаимосвязи и взаимодополняемости трех основных компонентов (его составляющих): социокультурного, психологического и цивилизационного. Все компоненты взаимозависимы и трансформация хотя бы одного из них не может не вызвать изменений как в других составляющих, так и в целом в матрице феномена «менталитет». Но особая всеобъемлющая роль